

## ИЗОМОРФИЗМ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТАХ ПОЭТИКИ И ПЕРЕВОДА

Во введении недавно опубликованной работы известного итальянского лингвиста, семиотика и писателя Умберто Эко, посвященной проблемам перевода, в качестве одного из аргументов автора в пользу возможности осуществления качественного художественного перевода приводится хорошо известный парадокс Зенона об Ахиллесе и черепахе. Согласно теоретическим рассуждениям данного древнего парадокса Ахиллес никогда не догонит черепаху. Однако в реальности Ахиллес сможет достаточно легко справиться с поставленной задачей. Умберто Эко метафорически переносит основные идеи приведенного парадокса на задачи, стоящие перед переводчиком художественного текста, наглядно описывая определенные несоответствия, существующие между практикой и теорией художественного перевода [1].

Многочисленные теории перевода не смогли до настоящего времени окончательно решить вопрос о том, что обеспечивает перевод высокого качества. До сих пор остается нерешенным вечный вопрос о том, *что* переводит переводчик и *как* он это переводит. Несмотря на долгие и мучительные рассуждения теоретиков над данными вопросами, практики перевода достаточно хорошо справляются с поставленными перед ними задачам, подтверждением чего может служить существование огромного количества переведенных художественных текстов, активно участвующих в межкультурном обмене и взаимодействии. Причем многие художественные тексты неоднократно становились объектами перевода как в синхронном, так и диахронном планах.

В теории перевода утвердилось мнение, что многочисленные обращения переводчиков к ряду художественных текстов имеют в своей основе явление неисчерпаемости оригинала, позволяющее порождать неограниченное количество переводных вариантов оригинального текста. Неисчерпаемость оригинала лежит в основе категории переводной множественности.

Категория переводной множественности является сравнительно новой категорией переводоведения, выделяемой прежде всего для художественного перевода. В теории перевода имеются различные точки зрения на сущность переводной множественности. Так, Ю.Д. Левин определяет переводную множественность как «возможность существования в данной национальной литературе нескольких переводов одного иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение» [2. С.213]. Р.Р. Чайковский, полемизируя с Ю.Д. Левиным, не соглашается с возможностью существования переводов в «данной национальной литературе» и предлагает рассматривать явление переводной множественности в контексте переводной литературы как «третьей литературы», занимающей промежуточное место между иноязычной литературой и литературой языка перевода [3. С.8-10]. Различные точки зрения на явление переводной множественности не ставят под сомнение такие категориальные признаки данного явления, как вторичность, синхронность и диахроничность, неисчерпаемость оригинала, что позволяет сформулировать постулаты переводной множественности [4. С. 188-198].

Глубокий анализ явлений переводной множественности позволил Р.Р. Чайковскому прийти к выводу о том, что в каждом оригинале заложена возможность его перевода, что обеспечивает потенциальную политекстуальность любого художественного произведения. По мнению исследователя, оригинал генерирует перевод, но индекс политекстуальности варьирует в зависимости от различных факторов.

Справедливости ради нужно отметить, что переводные варианты отличаются друг от друга не только качественными характеристиками. Художественный текст потому и художественный, что он может быть интерпретирован бесконечное число раз, а перевод служит одним из видов интерпретации оригинального текста средствами другой знаковой языковой системы. В терминологии Р. Якобсона такой перевод получает название межязыкового перевода (interlingual translation) [5. С. 232-233]. Однако принадлежность текста к категории художественных текстов еще не обеспечивает ему переводческую аттракцию. Неисчерпаемостью оригинала характеризуются, прежде всего, тексты, являющиеся ключевыми текстами родной культуры, или, по концепции А. Лефевра, относящиеся к культурным решеткам (capital grid) [6. С. 3-5]. По мнению исследователя, подобные тексты формируют в пределах отдельных культур особые текстовые решетки (textual grid), лежащие вне языковых плоскостей культур и определенным образом им предшествующие. Обладая такими характеристиками, как искусственность, историчность, условность, изменчивость и непонятность, текстовые решетки усваиваются носителями культуры до такой степени, что воспринимаются как «естественные» [6. С. 5]. Выдвинув гипотезу существования текстовых решеток, А. Лефевр предложил учитывать при переводе место оригинального художественного текста в решетке собственной культуры и предопределять место текста-продукта в переводящей культуре. А. Лефевр считает, что существуют культуры, текстовые решетки которых обнаруживают значительное совпадение, при котором оригинальный и переводной тексты займут практически одинаковое место. Такие культуры в далеком прошлом имели общий культурный источник, что позволило им в дальнейшем сохранить определенное сходство. Ряд других культур обладает уникальными

\* © В.А. Разумовская, Красноярский государственный университет, 2006.

текстовыми решетками, структура которых не имеет аналогов. Отличительной особенностью культур с уникальными текстовыми решетками является их гомогенность [6. С.14].

Приведенные выше замечания отвечают в какой-то мере на вопрос, *почему* тот или иной текст переводится. Данный вопрос, несомненно, важный, но не ключевой. К ключевым следует отнести уже упомянутые выше вопросы о том, *что* переводится в исходном тексте и *как* это переводится.

Многолетнее развитие переводческой мысли позволило выработать одну из универсальных переводческих категорий – категорию эквивалентности. В теории перевода существуют многочисленные толкования данного термина, но все исследователи неизбежно сходятся в понимании того, что настоящий термин определяет существование какого-то сходства между оригинальным текстом и текстом переводным. Еще более 40 лет назад Дж. Кэтфорд писал, что центральная задача теории перевода – определение природы и условий переводческой эквивалентности [7. С. 21]. Однако среди исследователей нет единства мнений в понимании природы такого сходства. В специальной литературе неоднократно поднимался вопрос о сложной природе переводческого явления эквивалентности, о вариативности данного явления в зависимости от характера переводимых текстов. Особенно подчеркивалась сложность и многогранность эквивалентности в области художественного перевода [8. С. 44].

Все существующие теории эквивалентности определяют очевидное сходство оригинального или переведенного текстов или с позиций знаковой природы данных текстов и их составляющих или с позиций функциональных характеристик, которыми данные тексты обладают.

Говоря о знаковой разновидности эквивалентности и понимая знак в самом широком смысле, мы можем рассматривать как содержательную знаковую эквивалентность, так и эквивалентность формальную.

Содержательная эквивалентность предполагает сходство между двумя текстами в аспекте значения или, если согласиться с мнением ряда исследователей, считающих, что значение национально, а не интернационально, в аспекте смысла. Вслед за А.В. Бондарко мы считаем, что *значение* – это содержание единиц и категорий конкретного языка, включенных в его систему и отражающих особенности данной системы. Понятие *смысл* также определяется через понятие *содержание*, но данное содержание не связано с единицей или категорией конкретного языка [9].

Таким образом, перевод с одного языка на другой (межъязыковой перевод (interlingual translation) или собственно перевод (translation proper) (в терминологии Р. Якобсона) в аспекте категорий *смысл* и *значение* предполагает установление межъязыковой эквивалентности, прежде всего с позиций категории *смысл*. Р. Якобсон считает, что на уровне межъязыкового перевода полной эквивалентности между единицами кода не существует, но сообщения, в которых данные единицы языкового кода используются, могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц и сообщений [5]. Так, строфы XXXVIII и XXXIX четвертой главы романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» вызвали у В. Набокова трудности в переводе именно в плане значений использованных А.С. Пушкиным слов русского языка:

Прогулки, чтение, сон глубокий,  
Лесная тень, журчанье струй,  
Порой белая черной  
Младой и свежий поцелуй,  
Узде послушный конь ретивый,  
Обед довольно прихотливый,  
Бутылка светлого вина,  
Уединенье, тишина:  
Вот жизнь Онегина святая;  
И нечувствительно он ей  
Предался, красных летних дней  
В беспечной неге не считая,  
Забыв и город, и друзей,  
И скуку праздничных затей.

Rambles, reading, sound sleep,  
the sylvan shade, the purl of streams,  
sometimes a white-skinned, dark-eyed girl's  
young and fresh kiss,  
a horse of mettle, bridle-true,  
a rather fancy dinner,  
a bottle of bright wine,  
seclusion, quiet-  
this was Onegin's saintly life;  
and he unconsciously to it  
surrendered, the fair summer days  
in carefree mollitude not counting,  
oblivious of both town and friends  
and of the boredom of festive devices.

В комментарии к переводу [10] В. Набоков отмечает, что в русском слове «прогулки» содержатся идеи не только о пешей прогулке, а о прогулке верхом, в целях занятия спортом или для удовольствия. Переводчик считает, что использование единиц «walks» или «promenades» не удачно, поскольку в их значениях отсутствует сема «верхом». Выбором переводчика стала единица широкой семантики «rambles», которая может быть использована для номинации прогулки как верхом, так и пешей.

Прилагательное «глубокий» (в сочетании «глубокий сон») имеет не только значение длительного, продолжительного, спокойного сна, но и сна здорового. В семантический объем данного прилагательного входит и сема «ночной». В черновике рукописи А.С. Пушкина строфы выглядят следующим образом: «Прогулки, ночной сон глубокий». В целях сохранения аллитерации, представленной в оригинале («Rambler, reading...»), и ее дальнейшего развития, можно было бы употребить английскую единицу «slumber» (сон, дремота): «rambles – slumber», но отсутствие в семантике «slumber» сем «здоровый», «глубокий» и «ночной»

является причиной выбора В. Набоковым сочетания «sound sleep». Другой важной причиной своего выбора В. Набоков считает созвучность данной строчки со строкой классика английской поэзии А. Попа, написанной и опубликованной более чем за сто лет до выхода в свет романа в стихах А.С. Пушкина, «Sound sleep by night; study and ease».

В комментарии к переводу мы находим тщательный анализ таких лексических единиц русского языка, как: «лесная», «журчанье струй», «белянка», «младой и свежий» и т.д.

Анализ семантики лексических единиц исходного текста позволил В. Набокову значительно расширить границы переводимости текста А.С. Пушкина и осуществить смысловую трансмиссию оригинального текста в текст переводной. И даже все критические сомнения переводчика позволяют нам оценить его перевод (насколько это будет корректным) с помощью названия одной из наиболее известных работ в области художественного перевода – «Переведено!» («Translated!») [11].

Формальная эквивалентность предполагает наличие соответствий между формальными характеристиками двух текстов, вовлеченных в процесс перевода. Необходимо разграничить, по меньшей мере, два вида формальных характеристик текста в аспекте перевода. Во-первых, это грамматическая форма (уровень языковой формы, на котором оперируют закрытые системы), представленная основными пятью единицами – предложением, придаточным предложением, группой, словом и морфемой и лексической формой (уровень языковой формы, на котором оперируют открытые системы), а во-вторых, это фонологическая и графологическая формы, являющиеся формами, посредством которых язык воспринимается слухом и зрительно [7. С. 4]. В фонологическую форму облечена звуковая составляющая языковой системы, представленная четырехуровневой иерархией (тональная группа, ритмическая группа, слог, фонема). Графологическая – зрительно-воспринимаемые знаки – графемы, представленные буквами, сочетанием букв, иероглифами. Формальное соответствие между текстом-оригиналом и текстом-продуктом неоднократно было объектом внимания исследователей проблем перевода. Однако в большинстве случаев анализ ограничивался установлением формального соответствия в пределах грамматической языковой формы. Прежде всего, определялось соответствие двух текстов по количеству предложений, слов и морфем. В ряде исследований внимание уделялось и таким случаям установления формальной эквивалентности, как фонологический перевод (ограниченный перевод при котором осуществляется замена фонологических единиц текста-источника фонологическими единицами текста-продукта) и графологический перевод, (предполагающий замену графических единиц оригинала графическими единицами перевода) [7. С. 56-65].

В последнее время в переводоведении наметилась тенденция к рассмотрению содержательных и формальных сторон эквивалентности в их непосредственном взаимодействии. Крайняя степень взаимодействия данных сторон свидетельствует об их изоморфизме.

Таким образом, к уже существующим ранее переводческим категориям добавилась категория изоморфизма. Ее можно справедливо отнести к разряду универсальных общенаучных категорий. Исследование проявлений данной категории в лингвистике берет свое начало от работ польского языковеда Е.Куриловича [12]. В аспекте перевода понятие изоморфизма стало широко применяться после работ Ю.Найды [13]. В последнее время появилось значительное количество работ, посвященных изучению категории изоморфизма, как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном и переводческом планах [14, 15, 16].

Содержательный изоморфизм оригинального и переводного текста имеет достаточно длительную историю изучения в переводоведении (несмотря на относительную новизну самого термина). Формальный изоморфизм считается менее изученным явлением как в собственно лингвистическом плане, так и в плане переводческом.

Один из возможных подходов к изучению проявлений категории изоморфизма в языковом материале представлен в работе С.Сузуки, посвященной изучению метрической организации древнеанглийского эпоса «Беовульф» [17]. Результатом исследования древнего текста, предназначенного как для устного представления, так и для восприятия на слух, стало понимание метрической организации текста как системы, формируемой двумя подсистемами с различными степенями абстракции. Автор делает вывод о существовании определенных прототипических метрических схем, служащих инвариантными глубинными формами (underlying forms). Набор метрических типов – индуктивная основа метрической организации текста. Метрическая схема определяется автором как минимальная абстрактная стихотворная форма, служащая базовым метрическим шаблоном (fundamental metrical template) для лингвометрических ассоциаций. С.Сузуки приходит к выводу о том, что конкретная стихотворная ткань возникает в результате взаимодействия двух автономных структур – лингвистической и метрической [17. С. 371].

Устная форма древнего поэтического текста «Беовульф», подверженная бесконечным вариациям и интерпретациям, основана на прототипической системе правил и репрезентаций, обеспечивающих ее сохранение. Основными элементами метрической организации С.Сузуки считает позицию (position), строфу (verse) и строку (line). Данные элементы организуют иерархию с определенной системой подчинения: строка состоит из строф, а строфа – из метрических позиций. На уровне лингвометрической ассоциации начинают взаимодействовать метрические типы и языковой материал. Лингвометрическая ассоциация может быть рассмотрена в двух различных перспективах – соответствие между просодическими единицами и степенями

метрической силы, представленное в виде решетки, и реализация индивидуальных метрических позиций на конкретном языковом материале на основе просодико-метрического соответствия [17. С. 378-379]. Важными результатами исследования С. Сузуки стало понимание изоморфизма метрической организации древнего текста, его лингвистической (языковой) структуры и выявление параллелизма данных текстовых аспектов. Структурная зависимость метрической системы от языкового материала имеет своим результатом изоморфизм между данными двумя системами. Фундаментальным предположением исследования японского лингвиста явилось понимание языковой природы размера. Автор пишет: «... система метрических правил и репрезентаций создает суперструктуру, совместимую с лежащей в ее основании языковой структурой. Другими словами, метрическая организация текста конкретного языка реализуется, не конфликтуя с формальными и функциональными генерализациями данного языка при его обычном использовании» [17. С. 11]. Однако данное суждение не противоречит пониманию сравнительной автономии поэтического языка. Полученные результаты исследования позволяют сделать предположение о том, что метрическая система и другая семиотическая система составляют язык второго уровня (*second-order language*), выступающий первичной моделирующей системой, структурирующей базой других семиотических систем [17. С. 385]. Сходные идеи были высказаны Ю. Лотманом в работе, посвященной проблемам структуры художественного текста [18].

Исследование категории изоморфизма на материале древнеанглийского текста стало прямым продолжением идей Е. Куриловича, использовавшего данный термин для обозначения структурных аналогий между звуковыми и структурными единицами. С другой стороны, данная работа созвучна с исследованиями В. Жирмунского [19] и К. Кюпера [20], считавших размер неотъемлемой частью поэтики текста и рассматривающих метрику как раздел поэтики.

Предварительным выводом наших размышлений о поэтическом тексте в аспекте перевода является определение одного из обязательных параметров поэтического текста – изоморфизма содержательных и формальных аспектов подобного рода текста. Данный исходный изоморфизм, неотъемлемый параметр поэтики данного текста, должен быть сохранен переводчиком в процессе перевода. Переводной текст должен быть изоморфен по отношению к оригинальному тексту как в содержательном, так и в формальном планах и приобрести в результате процесса перевода вторичный (переводной) изоморфизм, симметричный исходному изоморфизму оригинального текста. Все рассмотренное выше позволяет нам выдвинуть гипотезу относительно того, **что** переводится в поэтическом тексте: в поэтическом тексте переводится изоморфный формально-содержательный комплекс, который может быть определен как единица поэтического перевода.

В заключение следует отметить, что категория изоморфизма может быть определена как универсальная общенаучная категория, имеющая в переводоведении различные разновидности: формальную, содержательную, исходную, вторичную, межкультурную и т.д.

Исследование всех возможных видов изоморфизма, проявляющихся в процессе перевода, возможно, позволит внести значительный вклад в создание будущей универсальной теории перевода.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Eco U. *Experiences in TRANSLATION* / U. Eco – Toronto: University of Toronto Press, 2001.
2. Левин Ю.Д. Проблема переводной множественности / Ю.Д. Левин //
3. Литература и перевод: проблемы теории. – М.: Прогресс; Литера, 1992.
4. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты) / Р. Р. Чайковский. – Магадан: Кордис, 1997.
5. Чайковский Р.Р. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков / Р. Р. Чайковский, Е. Л. Лысенкова. – Магадан: Кордис, 2001.
6. Jakobson R.: *On Linguistic Aspects of Translation* / R. Jakobson // *On Translation*. – Cambridge: Harvard University Press, 1959. – PP. 232-239.
7. Bassenett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. *Topics in Translation*. 11 / S. Bassenett, A. Lefevere – Clevedon, 1998.
8. Catford J.C. *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics* / J. C. Catford – London: Oxford University Press, 1965
9. Boeck Van den R. *The Concept of Equivalence in Translation Theory: Some Critical Reflections* / Van den R. Boeck // *Literature and Translation*/ Ed. By James S. Holmes, Jose Lambert and Raymond Van den Broeck. – Leuven: ACCO, 1978. – PP. 29-47.
10. Бондарко А.В. Уровни семантики / А. В. Бондарко // Университетское переводоведение. Вып. 3: материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». 26-28 октября 2001 г. -СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 73-83;
11. Aleksandr Pushkin. *Eugene Onegin. A Novel in Verse*. Translated by Vladimir Nabokov. Vol. I. *Introduction and Translation* / A. Pushkin – Princeton: Princeton University Press, 1990; Aleksandr Pushkin. *Eugene Onegin. A Novel in Verse*. Translated by V. Nabokov. Vol. II. *Commentary and Index* / A. Pushkin – Princeton: Princeton University Press, 1990.

13. Holmes J. Translated! Papers on literary Translation and Translation Studies / J. Holmes – Amsterdam: Rodopi, 1988 – PP.. 45-52.
14. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович – М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
15. Найда Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе / Ю. Найда // Перевод и коммуникация / ответственные редакторы А.Д.Швейцер, Н.К.Рябцева, А.П.Василевич. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 35-42.
16. Федуленикова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии/: атореф. ... доктора филол. наук / Т.Н. Федуленикова. – Северодвинск, 2006.
17. Казакова Т.А. Изоморфизм как условие перевода / Т. А. Казакова // Материалы 3-й международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. – С. 274-284.
18. Серебрякова С.В. О соотношении понятий изоморфизм/адекватность/ эквивалентность в переводческом аспекте / С.В. Серебрякова //Лингвокультурное содержание и дидактическая прагматика в профессиональной подготовке преподавателей и переводчиков: материалы 49 научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (5-27 апреля 2004 г.). – Ставрополь: Издательство СГУ, 2004 – С. 3-8.
19. Suzuki S. The Metrical Organization of *Beowulf*. Prototype and Isomorphism/Trends in linguistics. Studies and Monographs 95 / S. Suzuki – Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 1996
20. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970.
21. Жирмунский В. Введение в метрику: Теория стиха./ В. Жирмунский. – Л.: Академия, 1925.
22. Kuper K Sprache und Metrum. Semiotik und Linguistik des Verses / K. Kuper – Tübingen: Niemeyer, 1988.

У.В. Смирнова \*

## ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗНАКА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Многочисленные исследования последних лет посвящены особенностям состояния современного общества, которое называется исследователями информационным, обществом постмодерна или постсовременным обществом [16]. Неудивительно, что лингвистика, предметом которой является язык, служащий средством описания, а возможно, и конструирования или, напротив, разрушения общества, тоже ставит перед собой вопросы об особенностях языка в современной эпохе, и в частности особенностях знака.

По нашему мнению, наиболее важные понятия, позволяющие осознать процессы в языке современной эпохи, – матрица и симулякр. Классический знак как единство означающего и означаемого превращается в симулякр. Симулякры, в свою очередь, становятся неотъемлемыми узлами матрицы постмодернистского дискурса.

Матрица понимается как структура или призма, сквозь которую человек определенной эпохи видит мир. В этом смысле матрица есть ключевой порядок в познании мира этой эпохи, создаваемый соотношением «слово-вещь» или, другими словами, соотношением означаемого и означающего внутри знака. Такое понимание восходит к Мишелю Фуко, который, проследивая историю развития знака от классической парадигмы до современной в книге «Слова и вещи», выделяет четкие схемы мышления («эпистемы»), характерные для определенных периодов времени: период Ренессанса – язык служит «зеркалом мира», слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы (слово-символ); классическая эпоха – слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно, через мышление, в пространстве представления; современная эпоха – слово больше не обозначает вещь, а лишь ссылается на нее, связь между означающим и означаемым внутри знака становится все слабее и слабее [13].

Выделение трех этапов соотношения планов выражения и планов содержания внутри знака, как, впрочем, и типичный для данных этапов характер соотношения, свойственны также схемам, выведенным Ж.Бодрийяром и С.В.Лещевым. Жан Бодрийяр разделяет этапы: «первобытное» общество (докапиталистическое общество), стадию «политической экономики», то есть буржуазно-капиталистическую цивилизацию, вместе с ее экономическими и культурными атрибутами, включая соответствующую ей социально-критическую теорию (марксизм), и, наконец, «нынешнее» состояние вещей, этап, на котором ценности второй стадии растворяются в новой общественной организации, где основным признаком считается универсальное распространение «симулякров» [3].

\* © У.В. Смирнова, 2006